

УДК 81'246.2

**АВТОРСКИЙ СТИЛЬ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ М. ДЕБРЕНН  
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СОЗНАТЕЛЬНОГО МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ПЕРЕНОСА**  
*Ю. А. Баранова*

**M. DEBRENNE'S ACADEMIC STYLE AS A PERFORMANCE  
OF CONCIOUS CROSS-LANGUAGE TRANSFER**  
*Yu. A. Baranova*

Рассматриваются стилеобразующие особенности научных статей французско-русского билингва М. Дебрэнн с точки зрения перенесения данным автором традиций франкоязычных научных текстов в собственные тексты аналогичного жанра, однако написанные на русском языке. Данный феномен и формы его проявления в жанре русскоязычной научной статьи анализируются в рамках более крупного явления, наблюдаемого в речи вышеуказанного билингва – сознательного межъязыкового переноса, состоящего в намеренном использовании норм родного языка (французского) в процессе практики иностранного (русского). Делается вывод о том, что научные статьи билингва по совокупности своих формальных и содержательных особенностей гораздо ближе к французской научной традиции, нежели к русской.

The paper discusses some features of the style of M. Debrenne's academic papers in terms of transferring the traditions of the French language academic writing into her texts of a similar genre written in Russian. This phenomenon and its manifestations in her Russian academic papers are analyzed within the framework of a larger phenomenon observed in the speech of the above-named French-Russian bilingual: conscious cross-language transfer, which consists in the intentional use of the rules of her native language (French) while writing in her second language (Russian). This analysis allows us to conclude that this bilingual writer's academic texts, as the sum of their formal and substantive features, are significantly closer to the French academic tradition than to the Russian one.

**Ключевые слова:** научный стиль, научная традиция, межъязыковой перенос, французско-русский билингвизм.

**Keywords:** academic style, academic tradition, cross-language transfer, French-Russian bilingualism.

Научная статья как исторически сложившаяся форма письменной научной коммуникации находится, вероятно, ближе остальных типов текста к центральной задаче научной деятельности – получению и распространению новых знаний. По этой причине данный научный жанр часто называют ведущим типом текста современного языка науки.

Вместе с тем в дискурсе цивилизации отражается множественность социальных практик, принятых в академической сфере общения и являющихся культурно обусловленными – таким образом, в форматах различных культур, даже если речь идет об одной сфере общения – научной – обнаруживаются существенные различия [4, с. 12].

Так, русская научная традиция, во многом испытавшая влияние аналогичной немецкой, отличается строгостью оформления мысли [16, с. 245], стремлением к беспристрастному и объективному изложению научного знания, в то время как французская культура накладывает на научные тексты отпечаток индивидуальности их автора и характеризуется большей степенью субъективности представления научной информации.

Итак, выдвигая тезис о том, что стиль франкоязычных научных статей отличается меньшей строгостью канона, большей экспрессивностью и гораздо более выраженным присутствием автора, чем это принято соответствующей традицией русскоязычных

текстов указанного жанра, мы последовательно проанализируем с этой точки зрения наиболее характерные для русскоязычных научных статей французско-русского билингва М. Дебрэнн особенности – как формальные, так и содержательные (*Мишель Дебрэнн* – профессор кафедры французского языка Новосибирского государственного университета, носитель французского языка и культуры, проживающий на территории России большую часть своей жизни (около 40 лет). Свободный, высокий уровень владения ею русским языком и глубокие знания русского менталитета определили наш исследовательский интерес к данной языковой личности с точки зрения наличия в ее русскоязычном дискурсе явления межъязыкового переноса – *Прим. автора*). Анализ выполнен нами на основе авторских редакций научных статей изучаемого билингва [5 – 14]. Примеры из текстов приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

I. В качестве наиболее важных отмеченных нами **формальных особенностей** научных статей указанного билингва мы выделяем: лексические, грамматические, синтаксические, графические и пунктуационные; также к формально-стилистическим особенностям мы относим и наличие в рассматриваемых текстах средств художественной выразительности (тропов) и приемов создания комического.

Согласно русской научной традиции, требование точности представления информации предопределяет терминологичность лексики, однородность и замкнутость лексического состава, отсутствие разговорных и просторечных слов и выражений, эмоционально-экспрессивной лексики в произведениях научного стиля [15, с. 224 – 225]. Однако **лексические** особенности обнаруживаемые в научных статьях рассматриваемого билингва, во многом противоречат вышесказанному: помимо некоторых случаев «бытового», т. е. нетерминологического обозначения собственно-лингвистических реалий и явлений («определенная мышца во рту», «язык как элемент рта» [6], «спорят о том, что считать приличным словом, а что – ругательством» [11], «одни вещи проще обсуждать на одном языке, другие – на другом, и не потому, что слов нет» [13]), нами были отмечены многочисленные примеры разговорных, разговорно-сниженных, просторечных слов и выражений («к примеру среди ответов канадских респондентов...» [5], «оно [слово] еще не стало разговорным и на телевидении, скорее всего, будет «забикано», «продолжает беседу как ни в чем не бывало», «русская публика – в шоке» [7], «сопоставление «чайника» и эксперта» [8], «большой разницей в национальных терминотерминологических системах» [9], ««заикленность» французов на правильности языка», «сообщение «висит» на сайте» [11], «закон <...>, направленный на борьбу с пиратством и незаконным скачиванием», «она [реакция] затесалась между «равенством» и «братством»» [13] и мн. др.), а также некоторые устойчивые сочетания, являющиеся экспрессивно-окрашенными («Вполне вероятно, что наш уважаемый коллега «встретил по одежке» юных москвичек и петербуржчек и пал жертвой этого распространенного заблуждения – ведь, как говорится, «свечку не держал» [7], «...когда комментаторы исправляют ошибки других комментаторов (часто при этом нарушая другие правила языка – притча о бревне в глазу в действии)», «Также спорили о других выражениях, в том числе о набивших оскомину...» [11] и др.), употребление которых малохарактерно для русской традиции, требующей от жанра научной статьи более строгого, серьезного и выдержанного стиля [2, с. 17]. Помимо вышесказанных лексических особенностей в научных статьях автора-билингва стоит отметить и некоторое количество окказионализмов, многие из которых являются заимствованиями либо кальками из французского языка и приводятся в кавычках («бикультурал» [9], «свободоубийство», «свободоубийственный» [13], «орфофашист» [11], «лингвоперсона», «портретируемый» [12] (в значении «человек, на основе речевых особенностей которого составляется языковой портрет»), а также использование языковых примеров, содержащих грубую и даже оценочную лексику французского и русского языков, нередко в тех случаях, когда она не является объектом исследования.

Наиболее вероятным объяснением описанного несоответствия нам видится, во-первых, тот факт, что во французском, родном языке билингва, научно-профессиональный стиль менее четко противопоставлен нейтральному и литературно-художественному стилям, а специальная терминология – ней-

тральной лексике, следовательно, французская стилевая система характеризуется гораздо большей подвижностью элементов, чем русская [3, с. 256 – 258]; а во-вторых, то, что грубая и вульгарная лексика является менее табуированной для носителей французского языка, воспринимается менее эмоционально, и, как следствие, имеет гораздо более широкую сферу употребления, чем в русском. В качестве подтверждения данных мыслей приведем цитату самой М. Дебрэн из рукописи статьи «Об одной межкультурной коммуникационной ошибке»: «Дело в том, что во Франции не существует табу на произнесение грубых, неприличных слов в присутствии дам. К тому же <...> во Франции интеллигенция выражается порой существенно более грубо, нежели другие слои населения» [2, с. 17; 7].

Наиболее релевантной в рамках научного стиля грамматической особенностью текстов М. Дебрэн справедливо назвать форму самообозначения в них автора, т. е. грамматическое лицо и число глаголов, а также личных и притяжательных местоимений, используемых при выражении авторской точки зрения. Большая часть статей французской писанины в соответствии с русской научной традицией повествования от 1-го лица множественного числа, однако и в этом аспекте стилистики нами были отмечено несколько ярких исключений: в некоторых статьях, как ни парадоксально, автор выражает себя то при помощи форм 1 л. мн. ч. («заметим, что...» [9], «мы, пожалуй, не согласимся» [10], «мы отдаем предпочтение индивидуальному речевому портрету» [12], «в этом исследовании мы опираемся...» [13] и др.), то посредством форм 1 л. ед. ч. («целая группа новых, интереснейших терминов оказываются малопереводимыми на французский и, как я полагаю, на другие европейские языки», «я очень четко чувствовала, что без этих знаний нельзя понять, о чем говорят окружающие» [9], «это, на мой взгляд, возможно только с английским языком» [10], «в моем случае первым языком является французский» [12], «мое обращение к концепту LIBERTE имеет глубоко личные мотивы» [13] и др.). Проанализировав контексты употребления указанных грамматических форм, мы пришли к выводу, что под авторским «мы» в рамках научных статей М. Дебрэн подразумеваются такие социальные роли, как лингвист, исследователь, режиссер – преподаватель иностранного языка; в свою очередь самообозначение «я» возникает при выражении переводческого мнения, изложении собственных размышлений билингва о русском и французском языках, а также приведении некоторых сугубо личных впечатлений, ассоциаций и фактов биографии. При этом, осознавая чуждость русской научной традиции подобных явлений, в одной из статей автор приводит следующий комментарий: «...необходимо указать некоторые личные подробности, от первого лица, вопреки принятой русской научной традиции» [13].

Однако наиболее ярко на фоне остальных научных статей выделяется «Языковая автобиография» [14], полностью написанная от 1 л. ед. ч. и целиком посвященная описанию жизненных фактов билингва, связанных с изучением различных языков. На наш взгляд, само обращение к жанру автобиографии требует от исследователя большой смелости, равно как и

свободное использование форм 1 л. ед. ч. Поскольку в соответствии с русской научной традицией автор должен придерживаться объективности, беспристрастности и некатегоричности, и его образ в русскоязычной научной статье выражается преимущественно имплицитно [1, с. 264], мы также склонны объяснять вышеуказанные факты через особенности французского менталитета в целом и французской научной традиции в частности: особенности франкоязычных статей связаны с особенностями европейского менталитета и культуры, направленных прежде всего на индивидуальность, а не на коллектив, поэтому во франкоязычных научных текстах нередко можно встретить использование автором форм 1 л. ед. ч.; стоит отметить и то, что франкоязычные научные трактаты часто излагались в форме незатейливой беседы, иногда с юмором и примерами из собственного жизненного опыта [16, с. 245, 247].

Как известно, требование ясности мысли и логичности ее выражения обуславливает преобладание в русскоязычных научных статьях повествовательных предложений с прямым порядком слов [15, с. 224 – 225]. Вместе с тем отмеченные нами **синтаксические** особенности научных текстов аналогичного жанра М. Дебрэнн представляют противоположную тенденцию, выражающуюся в использовании предложений с разговорным и обратным порядком слов: «Первый метод **подходит лучше** для существительных» [5], «Сложно бывает передать «наивность» некоторых дефиниций» [10], «Интересует это нас потому, что...» [13] и др. Помимо особенностей порядка слов, стоит отметить, что в целом синтаксис рассматриваемых научных текстов обнаруживает много сходств с разговорной речью, что в некоторых случаях может проявляться, например, в предпочтении действительных конструкций более уместным страдательным («орфографический чемпионат, в котором **предлагали** сложнейшие диктанты, финал которого **показывали** в прямом эфире» [11]), в использовании бытовых конструкций вместо более уместных в научном стиле посессивных («**Есть** этому правилу и исключения, например...», «Помимо отмеченных категорий, **были** также каламбуры» [5], «Специфическое значение «щедрый» **было** только у последнего [слова]», «У него [бога плодородия] **была** и женская ипостась» [13]). Описанные особенности также могут быть объяснены тем, что, как это уже было указано выше, научно-профессиональный стиль французского языка, в отличие от русского, менее четко противопоставлен другим функциональным стилям, а также обнаруживает большую степень эмоциональности.

Несвойственная русскому научному стилю экспрессивность выражается и в особом **пунктуационном** и **графическом** оформлении, обнаруживаемом в некоторых научных статьях билингва: для текстов М. Дебрэнн характерно не только использование парантетических внесений в виде восклицательных знаков, служащих для выражения эмоционального авторского отношения к сказанному («...**понадобилось** прочитать всю классическую русскую и советскую литературу, в том числе большое количество романов о второй мировой войне, внимательно слушать лекции по научному коммунизму (!) и конспектировать Ленина и труды съездов КПСС (!!!)» [9], «После

этого поста последовали еще восемь (!) длинных сообщений на эту тему» [11]), но и постановка таких малохарактерных для научного стиля знаков препинания, как многоточие («означает либо одно, либо другое в зависимости от контекста, скорее всего это прилагательное означает сразу все вместе...» [10]), тройного знака вопроса («не могу вспомнить то или иное слово, и мне кажется, что тот факт, что постоянно говорю на двух языках усиливает это явление (или это – ранний Альцгеймер???)» [14]). Также в изучаемых статьях нами были отмечены такие графические особенности, как сохранение автором эмотиконов при приведении языковых цитат, служащих примерами для исследования («Какой ужас! Пост очень плохо написан, редко видел хуже, очень некрасиво ><», «Pas de s a confetti, c'est invariable - \_\_\_ - » [11]), любопытный графический прием создания иронии при помощи заключения форманта женского рода существительного во внутрисловные скобки в целях ситуативного уточнения принадлежности к женскому полу указанной группы лиц («Профессор объясняет, почему он перестал читать лекции русским студент(к)ам» (Использование иронии по отношению к женскому полу в данном контексте обусловлено тем, что в статье описываются некоторые французские стереотипы о русских девушках, обучающихся в высших учебных заведениях – прим. автора) [7]), двойное графическое выделение (совмещение знака ударения и полужирного начертания) логического ударения предложения («Читатели сайта обращают большое внимание на то, как рассказан случай из жизни» [11]), а также написание некоторых слов заглавными буквами с целью их эмоционального выделения («я говорила с ними [сыновьями] **ТОЛЬКО** по-французски и воссоздала ячейку франкоязычной коммуникации вокруг себя», «я тогда **НИКОГДА** с ними [сыновьями] не говорила на русском» [14]).

Экспрессивность и эмоциональность франкоязычных научных статей нередко проявляется и в **использовании средств художественной выразительности**, также являющихся малохарактерными для русскоязычных текстов аналогичного жанра [16, с. 248]. Исследователи отмечают, что общая тенденция французского языка, заключающаяся в использовании метафор и других способов переноса для расширения номинативных средств языка, «анимизм» в построении предложения захватывают и научно-профессиональную речь [17, с. 22]. Это объясняет наличие в рассматриваемых текстах М. Дебрэнн таких тропов, как метафора («внешность «**куклы Барби**» для них не сочетается с интеллектуальностью» [7], «ученик неизменно «**видит**» операцию деления как «раздел» и ожидает, что результат (размер полученной «**порции**») будет меньше, чем исходная цифра» [8]), олицетворение («анализ всего ассоциативного поля данного стимула не выявил явного лидера среди реакций, у многих реакций – **средние результаты**» [5], «Остальные **реакции** типа гость, гражданин, студент, агент и т. д. **идут** далеко позади» [6], «Французский же, наоборот, **вызывает** у меня deviantные формы в русском» [12], «**французская «свобода»** занимает почетное двадцать первое место в ядре языкового сознания французов» [13] и др.), эпитеты («В целом получился **прекрасный** материал

для изучения «наивных представлений», «модераторы выпустили грозное предупреждение», «речевое произведение, содержащее отклонения от норм французского языка, недостойно этого **гордого названия**» [11] и др.), перифраза («они считают, что таким девушкам нечего делать в **«храмах науки»**» [7]).

Однако наибольшую роль в создании эмоциональности текста в статьях М. Дебрэнн играет использование **приемов создания комического** – иронии и юмора: «Сложно бывает передать «наивность» некоторых дефиниций <...> так, чтобы **подобные образцы наивной лексикографии не относили к переводческим перлам**» [10], «**Большой темой французской грамматики оказалось, без сюрпризов, согласование причастия прошедшего времени в сложных временах**», «**Не обошлось без спора о существовании существующих только в наивной картине мира пользователей языков вроде «голландского» или «бразильского»**» [11], «мы хотели бы обосновать целесообразность проведения исследования речевого портрета французо-русского билингва – **вашего покорного слуги, как принято говорить в интеллигентных кругах**» [12] и мн. др. По нашим наблюдениям, наибольшее количество примеров использования данных стилистических приемов обнаруживает себя в научных статьях М. Дебрэнн, посвященных наивным представлениям о языке, в то время как в статьях, написанных на другие лингвистические темы, случаи использования иронии и юмора единичны.

II. Наиболее заметную роль в создании стилистики текста, безусловно, играют формальные языковые средства, однако нельзя отрицать и тот факт, что на создание целостного впечатления о произведении письменного жанра влияют и его внутренние, **содержательные аспекты**, наиболее важными из которых в случае научных статей М. Дебрэнн являются некоторые авторские стратегии представления научной информации, а также формы взаимодействия с читателем.

Одной из любопытных стратегий аргументации, уже отчасти упомянутой нами выше в связи с анализом грамматических особенностей исследуемых статей, является малохарактерное для русскоязычных авторов статей **обращение к собственным биографическим фактам** как к средству иллюстрации теоретических тезисов. Например, говоря о сложности освоения иностранцами прецедентных феноменов другой культуры, билингв пишет: «**Автор этих строк по себе знает, что ей потребовались годы целенаправленной работы, чтобы освоить культурный багаж, которым владел средний житель СССР того времени**» [9], описывая далее виды деятельности, поспособствовавшие приобретению ею знаний о менталитете чужой страны; в другой статье, посвященной сравнению французского концепта LIBERTE с русскими ВОЛЯ и СВОБОДА, с целью представления более полной аргументации того факта, что лексемы, являющиеся смысловыми эквивалентами в двух языках, могут иметь различные шлейфы коннотаций, билингв приводит факты из собственной биографии, а также некоторые личные размышления о языковых

различиях: «**Я – француженка, живу вот уже более 35 лет в России, в Сибири, где я стала филологом. С первых лет жизни в России я заметила, что одни вещи проще обсуждать на одном языке, другие – на другом, и не потому, что «слов нет», а из-за их коннотаций, из-за разницы в ментальном образе, проявленной этими словами в обоих языках**» [13].

Также нами уже был упомянут факт наличия в статьях М. Дебрэнн языковых средств, служащих для создания эмоциональности, однако экспрессивность в текстах билингва в некоторых случаях проявляется и в прямом **выражении отношения автора** к некоторым фактам и явлениям: «**Перевод ассоциаций в ассоциативных экспериментах – неблагодарное дело, в виду отсутствия широкого контекста и многозначности лексем**» [5], «**Начнем с удивительного – единичного – наблюдения, порадовавшего нас**», «**Можно только позавидовать тому студенту <...>, который сохранил такое воспоминание о своем преподавателе**» [6]. Повторим, что в парадигме научных традиций русского языка подобные проявления субъективности рассматриваются скорее как нежелательное отступление от канона, поскольку они противоречат объективности научного знания [18, с. 116].

Наконец, в завершение описания стилистических особенностей научных статей билингва, стоит также подчеркнуть и факт гораздо **меньшей дистанции автора с читателем**, чем это принято русской научной традицией, общение с ним не в рамках парадигмы «**коллега-коллега**», а скорее «**приятель-приятель**» [2, с. 17], выстраиваемой не только при помощи всех вышеописанных специфических средств, но и, в некоторых случаях, посредством прямого обращения к читателю как к собеседнику с целью оживить в нем воспоминания либо натолкнуть на рефлексии: «**каждый из нас на себе может чувствовать, как с годами менялась его собственная манера говорить, в силу личных причин, а также в результате более глобальных изменений в стране**», «**советские телезрители старшего поколения наверно помнят удивление, которое вызвало появление В. В. Познера на советских экранах**» [12] и др.

Таким образом, мы полагаем, что представленный анализ не только позволил выявить наиболее существенные различия русской и французской традиций написания научных статей, но также сделать вывод о том, что по совокупности своих формальных и содержательных особенностей научные статьи М. Дебрэнн тяготеют к французской традиции, обнаруживая при этом множество противоречий соответствующей русской.

Сама француженка отмечает, что использование вышеуказанных средств и приемов помогает ей достичь желаемого эффекта воздействия на читателя и отражает ее авторский замысел, что свидетельствует о сознательном, неслучайном внедрении данных элементов, широко применяемых франкоязычными авторами научных статей, в тексты данного жанра на русском языке [2, с. 18], представляя тем самым яркий пример сознательного межязыкового переноса на стилевом уровне.

**Литература**

1. Архипова Е. И., Казакова О. А. Жанровая специфика научной статьи по лингвистике (на материале русского языка) // Вестник науки Сибири. 2013. № 1(7). С. 263 – 270.
2. Баранова Ю. А. О некоторых моделях, отражающих механизмы и причины сознательного межязыкового переноса (на примере исследования речи французско-русского билингва) // Вестник Новосибирского государственного университета. (Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация). 2014. Т. 12. Вып. 2. С. 13 – 20.
3. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков: учебник. Изд. стереотип. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 288 с.
4. Галанова О. А. Жанр научной статьи как форма культуры // Медицина и образование в Сибири. 2013. № 6. С. 12.
5. Дебрэнн М. Ассоциативные нормы франкофонии // Язык и культура в условиях интернационализации образования: Международная конференция, посвященная 15-летию ФИЯ НГУ. Новосибирск, 2014. С. 148 – 158.
6. Дебрэнн М. Ассоциативный словарь как выражение наивных представлений о языке // Международная научная конференция «Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика». Кемерово, 2008. С. 62 – 68.
7. Дебрэнн М. Об одной межкультурной коммуникационной ошибке (рукопись неопубликованной статьи).
8. Дебрэнн М. Обзор зарубежных (французских) работ по изучению наивных познаний // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 4. Коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово; Барнаул, 2012. С. 442 – 431.
9. Дебрэнн М. Освоение прецедентных феноменов как способ аккультурации иммигранта // Проблемы языкового образования в полиэтничном сообществе Сибири: материалы II всерос. науч.-метод. конф. (Новосибирск, 28 – 30 сент. 2007 г.) / [редкол.: Н. Н. Курпешко (отв. ред.) и др.]. Новосибирск: Ин-т филологии, 2007. С. 40 – 44.
10. Дебрэнн М. Перевод в рамках сопоставительных исследований (рукопись неопубликованной статьи).
11. Дебрэнн М. Правильный французский язык с точки зрения пользователей интернета // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 4. Коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово; Барнаул, 2012. С. 327 – 337.
12. Дебрэнн М. Речевой портрет билингва – к постановке вопроса // Человек. Язык. Культура: сборник научных трудов, посвященный 60-летию юбилею проф. В. И. Карасика, отв. соред. В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. Киев; Издательский дом Д. Бураго, 2013. Ч. 2. (Серия: Концептуальный и лингвальный миры). Вып. 2.
13. Дебрэнн М. «Я выбрала свободу» // Бытие в языке: сборник научных трудов к 80-летию В. И. Жельвиса. Ярославль, 2011. С. 21 – 44.
14. Дебрэнн М. Языковая автобиография // Вестник Новосибирского государственного университета. (Серия: Психология). 2014. Т. 8. № 1. С. 55 – 64.
15. Косова В. А. Трансформация жанра научной статьи или выделение жанровых разновидностей? // Ученые записки Казанского государственного университета. (Серия: Гуманитарные науки). 2007. Т. 149. № 1. С. 224 – 234.
16. Лукина О. Р. Особенности стратегий русскоязычных и франкоязычных научных статей // Общественные науки. 2011. № 5. С. 245 – 248.
17. Пиотровский Р. Г. Очерки по грамматической стилистике французского языка. М., 1956. 199 с.
18. Шилихина К. М. Ирония в академическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. (Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация). 2013. № 1. С. 115 – 118.

**Информация об авторе:**

**Баранова Юлия Андреевна** – аспирант факультета иностранных языков Новосибирского государственного университета, [yulia\\_baranova1990@mail.ru](mailto:yulia_baranova1990@mail.ru).

**Yuliya A. Baranova** – post-graduate student at the Faculty of Foreign Languages, Novosibirsk State University.

**(Научный руководитель: Дебрэнн Мишель** – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка Новосибирского государственного университета.

**Research advisor: Michèle Debrenne** – Doctor of Philology, Professor at the Department of the French Language, Novosibirsk State University).

*Статья поступила в редколлегию 08.09.2015 г.*